

Научно-исследовательская статья

УДК 371.212

DOI: 10.25688/2076-9121.2024.18.2.02

ДОСТУПНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Анна Ивановна Килячина

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия

kilyachina.anna@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5628-1606>

Аннотация. В истории российского образования вопрос его доступности для всего населения является одним из наиболее противоречивых и сложных для изучения. Вместе с тем комплексные исследования по данной проблеме отсутствуют. А в ряде работ, посвященных общим вопросам развития отечественного образования в начале XX века, затрагиваются лишь отдельные аспекты доступности образования без серьезного осмысления данного понятия. В предлагаемой статье раскрывается содержание понятия «доступность образования», а также представляются предварительные результаты проведенного исследования и анализа имеющихся в историко-педагогических исследованиях точек зрения по рассматриваемой проблеме. При характеристике проблемы доступности в центре внимания исследователей находились в первую очередь представители крестьянства и рабочих, поскольку именно эти группы населения характеризовались как ограниченные в правах на обучение в средних и высших учебных заведениях, в сравнении с остальными сословиями. Однако обращение к статистическим сведениям из архивных и опубликованных ведомственных отчетов о деятельности учебных заведений, отчетов попечителей учебных округов и отдельных учебных заведений позволяет отметить ошибочность устоявшихся в историко-педагогических трудах представлений. При этом важно учитывать и то, что идеи доступности образования имеют две стороны: реализацию государством мер по обеспечению возможности получения образования и наличие потребности в образовании у представителей различных сословий и социальных групп. Поэтому необходимо понимать, что всестороннее исследование проблемы доступности образования требует целостного изучения всех ее аспектов с привлечением широкого круга различных групп источников для рассмотрения обеих ее сторон.

Ключевые слова: история образования, Российская империя в начале XX века, доступность образования, непривилегированные социальные группы, сословность образования

Research article

UDC 371.212

DOI: 10.25688/2076-9121.2024.18.2.02

**ACCESSIBILITY OF EDUCATION
AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY
AS A PEDAGOGICAL PROBLEM
IN HISTORICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH**

Anna I. Kilyachina

Moscow City University,

Moscow, Russia

kilyachina.anna@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5628-1606>

Abstract. In the history of the Russian education, the issue of its accessibility for the entire population is one of the most controversial and difficult to research. However, there are little comprehensive studies on this problem. In several works devoted to general issues of domestic education development at the beginning of the 20th century, only certain aspects of education accessibility are touched upon, while no comprehensive understanding of this concept is offered. The article reveals the meaning of the concept “education accessibility”, offers the preliminary results of the research and analysis of the approaches available in historical and pedagogical research on this problem. When characterizing the problem of education accessibility, the researchers focused primarily on peasantry and workers, since it was these groups of the population that were characterized as having limited rights to study in secondary and higher educational institutions in comparison with other social classes. However, referring to statistical information from archival and published departmental reports on the activities of educational institutions, reports of trustees of educational districts and individual educational institutions enables us to discredit the ideas established in historical and pedagogical works. It is also important to consider the fact that the ideas of education accessibility have two sides: state’s implementation of the measures to ensure education accessibility and the need for education among representatives of various classes and social groups. Thus, a comprehensive study of the problem of education accessibility requires a holistic study of all its aspects involving a wide range of different groups of sources to consider its both sides.

Keywords: history of education, the Russian Empire at the beginning of the 20th century, education accessibility, unprivileged social groups, education for all social classes

Для цитирования: Килячина, А. И. (2024). Доступность образования в начале XX века как педагогическая проблема в историко-педагогических исследованиях. *Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология»*, 18(2), 35–53. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2024.18.2.02>

For citation: Kilyachina, A. I. (2024). Accessibility of education at the beginning of the 20th century as a pedagogical problem in historical and pedagogical research. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 18(2), 35–53. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2024.18.2.02>

Введение

При анализе и оценке состояния российского образования одной из важнейших характеристик выступает его доступность. Под понятием «доступность образования» мы будем подразумевать предоставление каждому человеку возможности реализовать различные образовательные траектории. В связи с этим обеспечение доступного образования предполагает создание государством равных условий и возможностей для реализации образовательных потребностей представителей всех групп населения. При этом необходимо отметить, что предоставление человеку возможности учиться в любом учебном заведении должно сопровождаться его внутренней потребностью в образовании, а также образовательными приоритетами семьи. Эти факторы важно учитывать при оценке успешности государственных мер в области обеспечения доступности образования. Исследование проблемы доступности образования в дореволюционной России предполагает рассмотрение таких ее аспектов, как: социальная, финансовая, половая, а также территориальная доступность. При этом важно понимать, что и сам термин «образование» в начале XX века понимался и как процесс внешнего воздействия на человека, и как постоянный внутренний рост (Рыжов, 2013, с. 201, 202, 210, 214, 215, 220, 221). Таким образом, можно говорить о двух сторонах трактовки доступности образования: о реализации государством мер по обеспечению возможности получения образования и о наличии у представителей различных сословий и социальных групп потребности в образовании.

В отечественных исторических и историко-педагогических исследованиях вопрос о доступности образования в России в начале XX века до настоящего времени не стал предметом специального изучения. Лишь отдельные аспекты доступности образования затрагивались в ряде работ, посвященных общим вопросам развития российского образования в начале XX века (Днепров, 2011; Иванов, 1991).

Методология исследования

Хронологически историко-педагогические труды общего характера могут быть разделены в соответствии с представленными в них взглядами исследователей на проблему доступности образования. Исследования периода 1917 г. – середины 1930-х гг. характеризуются крайне негативным отношением к деятельности российского правительства в области образования в дореволюционный период. Доминировала точка зрения, согласно которой представители неимущих групп населения не имели равного с другими права на получение образования, были сильно ограничены в праве получения высшего и даже среднего образования. В работах второй половины 1930-х – середины 1950-х гг. появляется информация, фрагментарно и без надлежащих выводов отражающая деятельность отдельных ведомств в области народного просвещения в начале XX века. Труды середины 1950-х – середины 1980-х гг. характеризуются возвращением ко многим

идеологическим посылам 1920-х гг., когда весьма негативно оценивалась правительственная образовательная политика в начале XX века. На первое место выходит тезис о противостоянии официальной идеологии в области образования и «общественной мысли», которая якобы отстаивала идеи «простого народа» о допуске его ко всем формам и уровням образования. В исследованиях конца 1980-х – настоящее время соседствует тенденция предыдущего периода и попытки более объективно и взвешенно, чем ранее, оценить систему образования Российской империи конца XIX – начала XX века.

Недостаточная разработанность вопроса доступности образования и далеко не всегда взвешенная его оценка обуславливают его проблемность, которую можно рассмотреть с нескольких сторон. Во-первых, отсутствие исследований, посвященных доступности образования, приводит к тому, что исследователи дают оценку данного понятия без четкого раскрытия его содержания и, соответственно, без проведения должного анализа. Во-вторых, это приводит к тому, что перечень привлекаемых для анализа источников оказывается весьма незначительным и выводы нередко осуществляются лишь на основе одного источника. В-третьих, анализ отдельных аспектов доступности образования в отрыве друг от друга не позволяет представить рассматриваемую проблему в полной мере и часто приводит к ошибочным выводам. Всестороннее изучение данной проблемы требует комплексного рассмотрения всех названных выше аспектов с привлечением широкого круга различных групп источников.

Результаты исследования и дискуссионные вопросы

Одним из наиболее популярных в историко-педагогических исследованиях аспектов развития образования в России в начале XX века выступает социальная доступность образования, то есть отсутствие каких-либо ограничений по приему в учебные заведения на основе социального происхождения. В первую очередь в центре внимания исследователей находились представители крестьянства и рабочих, поскольку именно эти группы населения характеризовались ими как ограниченные в правах на обучение в средних и высших учебных заведениях, в сравнении с остальными сословиями, что усложняло возможность успешного окончания учебных заведений.

Отражение подобных взглядов на образовательную политику правительства Российской империи в начале XX века как на реализацию различных мер по ограничению доступа в учебные заведения представителей низших социальных групп можно увидеть в целом ряде работ. Так, П. А. Макарова утверждает, что «все действия самодержавия в области народного образования были направлены на сохранение и укрепление полукрепостнической, сословной, бюрократической системы просвещения» (Макарова, 1953, с. 272). Свои выводы исследователи часто объясняют тем, что правительство не хотело давать образование широким массам населения, поскольку якобы видело в этом угрозу для сохранения

самодержавия: «Царизм сознательно ставил преграды на пути “кухаркиных детей” к образованию, видя в народном невежестве одну из основ прочности существующего строя» (Савельева, 1975, с. 105). Столь резкое суждение о политике царского правительства во многом противоречит сохранившимся источникам по вопросу крестьянской грамотности и уровню образованности. Не только в исследуемый, но и в более ранний период царское правительство и представители дворянства стремились дать образование крестьянам, в том числе и крепостным (Рыжов, 2010). Тем не менее историками педагогики часто подчеркивается стремление правительства в дореволюционной России не допускать «детей из народа» к получению среднего и высшего образования. Позиция Н. Н. Кузьмина о том, что «Россия была страной, где трудящиеся массы обрекались на неграмотность и невежество... Большинство детей трудящихся должны были ограничить свое образование начальной школой. Средняя школа предназначалась для детей господствующих классов» (Кузьмин, 1958, с. 14, 16), довольно ярко отражает устоявшуюся в исторических исследованиях точку зрения на анализируемую проблему.

Отмечая якобы сословный принцип организации системы образования, многие исследователи указывали на отсутствие преемственности ступеней образования. В ряде работ одной из причин несогласованности ступеней отмечалась недостаточная подготовка на предыдущей ступени. Так, Н. Н. Кузьмин отмечал, что «такая школа (начальная. — А. К.) не могла подготовить ученика для поступления в среднюю школу. Средняя школа существовала отдельно от начальной. Для подготовки в среднюю школу в России существовала семейная система и приготовительные классы при гимназии» (Кузьмин, 1958, с. 15). Другие исследователи часто критикуют несогласованность среднего и высшего образования, указывая на то, что право поступления в университеты имели только выпускники классических гимназий. При полной несостоятельности подобных утверждений некоторые историки педагогики выдвигали еще более спорные выводы. Например, Е. Н. Медынский писал: «Окончившие реальные училища не могли поступать в университеты, не могли, значит сделаться врачами, юристами, учителями и так далее» (Медынский, 1931, с. 13). Даже в современных исследованиях присутствуют утверждения о том, что «сложная, отчасти запутанная система школ делилась на две части: система элементарного образования, не дававшая выхода к среднему и высшему образованию для низших слоев населения, и, не связанная с ней, система среднего и высшего образования для привилегированных сословий — дворянства, духовенства, буржуазии» (Мещеров, 2010, с. 189).

Несостоятельность подобных суждений может быть подтверждена рядом фактов. Во-первых, право на поступление в университеты имели выпускники не только гимназий, но и других средних учебных заведений. Для поступления им требовалось дополнительно сдать экзамены по предметам, необходимым для продолжения обучения в университете, но не входившим в программу их среднего учебного заведения (как правило, речь шла о латинском языке). А с 1915 г. даже это требование было отменено и все права выпускников средних учебных заведений при поступлении во все высшие учебные заведения были уравнены.

Во-вторых, возможность получения высшего образования отнюдь не ограничивалась обучением в Императорских университетах. Получить профессию врача, юриста, педагога и др. можно было в иных специальных высших учебных заведениях. Всего к 1916 г. насчитывалось около 150 специальных вузов (Рыжов, 2024, с. 381).

Спорность сложившихся в историко-педагогической литературе суждений о наличии серьезных препятствий для крестьян в получении образования довольно ярко характеризуется анализом социального состава учащихся различных типов учебных заведений России в начале XX века. Обращение к источникам, отражающим социальный состав студентов различных вузов, показывает, что около четверти (а порой и треть) всех учащихся составляли представители крестьянства (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Доля крестьян в высших учебных заведениях Российской империи
(1914–1916)** (Рыжов, 2024, с. 408–413)

**The number of peasants in higher educational institutions of the Russian Empire
(1914–1916)** (Ryzhov, 2024, pp. 408–413)

Название высшего учебного заведения	% крестьян от общего числа учащихся
Императорский Николаевский университет (1916)	24,3
Константиновский межевой институт (1916)	33,6
Императорский лесной институт (1914)	29,0
Стебутовские высшие женские сельскохозяйственные курсы, 1-й курс (Пг., 1914)	24,3
Рижский политехнический институт (1914)	34,9
Московское училище живописи, ваяния и зодчества Императорской Академии художеств (1916)	32,6
Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств (1914)	24,3
Морское инженерное училище Императора Николая I (1914/1915)	23,0

При анализе материалов таблицы 1 также важно учитывать, что наиболее успешные из выпускников классических гимназий по их окончании получали 14-й чин Табели о рангах и выбывали из своего сословия. По этой же причине представителей крестьянства в высшей школе было еще больше, чем зафиксировано в делопроизводственной документации вузов.

Еще более демократичной по своему социальному составу была средняя школа. В качестве примера обратимся к сведениям по различным типам средних учебных заведений Харьковского учебного округа (табл. 2).

Стоит заметить, что представители крестьянства составляли большинство практически во всех типах средних учебных заведений, а по мужским гимназиям лишь на 4 % уступали категории мещан и цеховых, составлявших 26,5 % всех учащихся (РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2552, Л. 17).

Таблица 2 / Table 2

Доля крестьян среди учеников мужских гимназий, технических и ремесленных училищ, учительских институтов и семинарий Харьковского учебного округа (1915)
 (РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2552. Л. 17; Д. 2846. Л. 12; Д. 2516. Л. 43;
 Всепод. отчет..., 1913, с. 50–51, 80–81, 102–105, 150–151, 160–161)

The number of peasants among students of male gymnasiums, technical and vocational schools, teachers' institutes and seminaries of the Kharkiv Educational District (1915)
 (RGIA. F. 733. Op. 205. D. 2552. L. 17; D. 2846. L. 12; D. 2516. L.43;
 Vsepod. otchet..., 1913, s. 50–51, 80–81, 102–105, 150–151, 160–161)

Тип учебного заведения / Сословия	Мужские гимназии		Ремесленные училища		Технические училища		Учительские институты и семинарии (1914)	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
крестьяне	3,725	22,6	835	73,6	609	48,5	654	63,1

Аналогичную картину можно увидеть и по начальным профессиональным учебным заведениям (табл. 3). В них преобладающей группой также являлись дети крестьян, которые составляли 60–80 % учащихся.

Таблица 3 / Table 3

Крестьянское население в низших технических училищах МНП и начальных сельскохозяйственных учебных заведениях Министерства земледелия (1914)
 (Всепод. отчет..., 1913, с. 102–105; РГИА. Ф. 398. Оп. 74. Д. 30680 б)

The peasant population in the lower technical schools of the Ministry of Agriculture and primary agricultural educational institutions of the Ministry of Agriculture (1914)
 (Vsepod. otchet..., 1913, s. 102–105; RGIA. F. 398. Op. 74. D. 30680 b)

Тип учебного заведения / Сословия	Низшие технические училища		Начальные сельскохозяйственные школы	
	чел.	%	чел.	%
крестьяне	1 575	59,0	16 797	81,4

Наличие высокой, а во многих учебных заведениях и преобладающей доли крестьян среди учащихся всех ступеней образования — явный показатель отсутствия каких-либо ограничительных мер со стороны правительства в возможности получения образования на основании социального происхождения.

Социальный аспект доступности образования тесно переплетается с финансовым аспектом. Финансовая доступность в получении образования любого уровня предполагает, что оно является бесплатным или взимаемая за него плата посильна для представителей всех категорий населения. В первую очередь речь идет о рабочих и крестьянах, поскольку согласно распространенной в историко-педагогических исследованиях точке зрения их финансовое положение в преобладающем большинстве ниже, чем у представителей других групп населения. Довольно часто исследователи истории российского образования начала XX века в своих работах указывают на невозможность

получения среднего и высшего образования представителями «низших» групп населения не только из-за их социального положения, но и из-за высокой платы за обучение. Отражение подобной точки зрения можно увидеть и в трудах известного историка педагогики Е. Н. Медынского: «Чтобы еще больше затруднить детям рабочих и крестьян доступ в среднюю школу, была введена высокая плата за учение» (Медынский, 1931, с. 9). Стоит заметить, что платность обучения рассматривается исследователями именно как инструмент политики по ограничению допуска в средние и высшие учебные заведения «непривилегированных» групп населения. При этом наличие среди обучающихся в средней и высшей школе довольно значительного процента представителей крестьянства и рабочих зачастую вообще игнорируется в работах. Иногда авторами производятся попытки объяснить это тем, что доля обучающихся «низших» сословий формируется, например, из зажиточных крестьян, в то время как большинство семей не могут себе позволить дать детям среднее и высшее образование. Яркой демонстрацией такой позиции служит мнение А. Е. Иванова: «Подавляющее большинство “крестьян”-студентов в специальных высших учебных заведениях имели уже городское происхождение, лишь номинально входя в крестьянское сословие. “Настоящие” студенты-крестьяне были выходцами из сельской буржуазии, которая только и могла дать своим детям среднее и высшее образования. Но группа эта была малочисленна» (Иванов, 1991, с. 273).

Для того чтобы показать финансовую доступность обучения в средних и высших учебных заведениях для представителей крестьянства и рабочих, можно сопоставить сведения о плате за обучение и заработной плате. Так, в 1915 г. заработная плата квалифицированного рабочего составляла 312–660 руб. в год, а у наемных работников в крестьянских хозяйствах — 190–284 руб. в год, в то время как плата за обучение в университетах составляла 50 рублей, в специальных вузах — 50–110 рублей, а в средних учебных заведениях колебалась от 10 до 100 рублей в год (сведения приведены на 1914–1915 г.) (Рыжов, 2024, с. 414–416). В этих условиях преобладание крестьян и рабочих во многих средних и высших учебных заведениях показывает, что установленная правительством плата за обучение была вполне посильной для большинства семей, стремившихся дать своим детям серьезное образование. При этом важно учитывать и то, что вносимая учащимися плата вообще не покрывала реальных расходов учебных заведений на их обучение. Разница, которая зачастую составляла большую часть затрачиваемых средств, компенсировалась государством. Более того, стремление правительства поддерживать финансовую доступность образования для всего населения проявлялось и в сохранении на протяжении ряда лет прежней платы за обучение в условиях резкого повышения его реальной стоимости. Например, в мужских гимназиях Кавказского учебного округа с 1909 по 1914 г. средняя стоимость обучения одного ученика возросла со 123 до 190 рублей, при этом средняя плата за обучение была сохранена в размере 80 рублей (Отчет о состоянии..., 1910, с. 16, 17; Отчет о состоянии..., 1915, с. 32, 33). Еще одной значимой мерой поддержки представителей «непривилегированных» социальных групп выступало

предоставление стипендий и освобождение от платы за обучение способных детей из малообеспеченных семей. Однако в современной историко-педагогической литературе продолжают встречаться ошибочные суждения, неверно оценивающие действия правительства по поддержке детей из малообеспеченных семей. Так, например, утверждалось, что «за обучение в средней школе устанавливалась плата с родителей, а освобождать от нее следовало не более 10 % учащихся» (История педагогики, 2015, с. 328). В то же время в 1914 г. в классических гимназиях были освобождены от платы 7–15 % учащихся, в императорских университетах освобождены от платы и получили стипендии 17,1 % студентов, в ветеринарных вузах — 15,1 %, в технических вузах — 10,4 % (Рыжов, 2024, с. 415). Например, в Императорском Николаевском университете в 1915 г. 17 % учащихся были полностью освобождены от платы за обучение и 7 % учащихся получали стипендии и пособия (РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 1633. Л. 57). Довольно интересен тот факт, что общая сумма выданных стипендий и пособий за год составила 13 190 рублей. Их получили 60 студентов. То есть в среднем размер материальной поддержки на каждого студента составлял около 220 рублей. Подобная практика существовала как в высших, так и в средних учебных заведениях.

Не меньшее внимание историков педагогики привлекает такой аспект доступности образования, как половой. Он сводится к рассмотрению таких вопросов, как: отсутствие мер со стороны правительства по созданию полноценной системы женского образования; дискриминация путем создания отдельных женских учебных заведений с более низким уровнем обучения, чем в мужских; введение ограничений для совместного обучения на средней и высшей ступени; отсутствие равных прав у женщин и мужчин, успешно окончивших высшие учебные заведения, при трудоустройстве.

Обращаясь к работам, затрагивающим проблему доступности образования для женщин в дореволюционной России, можно заметить, что мнения исследователей по данному вопросу сводятся в основном к утверждению об отсутствии мер со стороны правительства, направленных на развитие женского образования: «Несмотря на существенные сдвиги в сфере развития женского образования в провинции второй половине XIX – начале XX в. <...> кардинальных изменений в вопросе доступности образования для большей части населения так и не произошло. Пожалуй, можно вести речь лишь о начальном этапе модернизации образовательной парадигмы. Вопрос о полной доступности женщин к образованию был решен лишь революционным путем» (Паршина, 2007, с. 24). При этом дискуссии о слабости и недостаточности реализованных мер для обеспечения доступного образования для женщин разворачиваются в нескольких направлениях. Одни исследователи тесно связывают между собой два таких аспекта доступности образования, как половой и социальный. Например, по мнению Е. А. Косетченковой, «формально профессиональную подготовку могли получить лица женского пола всех сословий. Однако среднее и высшее образование, фактически было доступно только лицам из привилегированных сословий» (Косетченкова, 2005, с. 195). Другая группа исследователей подчеркивает серьезное ущемление прав женщин: «Реакционная

политика царского правительства сводилась к противодействию и всяческому ограничению высшего женского образования: правительство неизменно подчеркивало бесправное положение женщин даже добившихся высшего образования, создавало для них различные ограничения в правах, как во время пребывания на курсах, так и после их окончания» (Михеева, 1969, с. 277). Еще одно направление содержало выводы о недоступности образования для женского населения с опорой на информацию, не связанную напрямую с возможностью получения образования. Так, утверждение Э. П. Михеевой о том, что «далеко не все женщины, которым удавалось, несмотря на все ограничения и препятствия, поступить на курсы, могли их окончить, так как не имели уверенности в приискании работы после окончания» (Михеева, 1969, с. 24), вызывает определенное сомнение как минимум с точки зрения логики. Ведь наличие или отсутствие уверенности в успешном трудоустройстве никак напрямую не связано с возможностью обучения в вузе и его окончания. Поэтому здесь может идти речь не о том, что «не все могли», а о том, что «не все хотели». И отсутствие желания в подобных случаях вовсе не говорит о недоступности высшего образования для женщин и наличия препятствий в его получении со стороны правительства. Высказывание подобных суждений в историко-педагогических работах может быть объяснено попытками экстраполировать идеи гендерного подхода, реализуемые в современном отечественном и зарубежном образовании, на образовательную практику начала XX века. Подобный перенос педагогических явлений в иные исторические условия искажает объективность в исследованиях и может приводить к ошибочным суждениям и выводам (Рыжов, 2012).

Проанализировать реальные возможности получения женщинами среднего и высшего образования поможет обращение к нескольким группам источников, содержащих статистические сведения по целому ряду учебных заведений различных типов и уровней. В качестве примера, демонстрирующего доступность средних и высших учебных заведений для представительниц женского пола, приведем данные по классическим гимназиям — одному из наиболее престижных типов средних учебных заведений в начале XX века, — которые ориентировали на поступление в университеты. В среднем по империи число женских гимназий практически в 2 раза превышало число мужских, а доля учащихся женского пола от общего числа учащихся составляла от 45,8 до 80,2 % по всем учебным округам (табл. 4). В целом по отдельным учебным округам численность девушек в гимназиях была в 3 раза выше, чем численность юношей.

Развитие высшего женского образования в России в начале XX века происходило столь же высокими темпами, как и среднего образования. Девушка, стремившаяся продолжить свое образование и поступить в высшее учебное заведение, могла выбрать различные траектории реализации своих устремлений, а именно получение образования в императорских университетах, в специальных высших учебных заведениях с совместным обучением или же только женских. Вопреки распространенным в научной литературе суждениям об отсутствии допуска женщин в университеты, уже в начале XX века они могли учиться как слушательницы.

Таблица 4 / Table 4

Число и численность учащихся женских и мужских гимназий (1916) (Рыжов, 2024, с. 362)

The number of students in female and male gymnasiums (1916) (Ryzhov, 2024, p. 362)

Наименование учебного округа	Женские гимназии и прогимназии		Мужские гимназии и прогимназии		Общая численность учащихся мужских и женских гимназий и прогимназий	% учащихся женского пола	% учащихся мужского пола
	Число учебных заведений	Численность учащихся	Число учебных заведений	Численность учащихся			
Виленский учебный округ	110	27 475	40	12 629	40 104	68,5	31,5
Западно-Сибирский учебный округ	33	10 524	15	3 612	14 136	74,4	25,6
Кавказский учебный округ	79	30 235	58	20 502	50 737	59,6	40,4
Казанский учебный округ	93	38 480	55	13 943	52 423	73,4	26,6
Киевский учебный округ	132	44 124	76	27 599	71 723	61,5	38,5
Московский учебный округ	259	89 640	134	38 420	128 060	70,0	30,0
Одесский учебный округ	149	45 266	79	21 379	66 645	67,9	32,1
Оренбургский учебный округ	53	20 544	21	5 071	25 615	80,2	19,8
Рижский учебный округ	66	18 690	41	11 671	30 361	61,6	38,4
Петроградский учебный округ	176	45 312	70	18 830	64 142	70,6	29,4
Харьковский учебный округ	147	58 793	84	23 834	82 627	71,2	28,8
Туркестанское генерал-губернаторство	20	6 273	12	3 518	9 791	64,1	35,9
Иркутское генерал-губернаторство	27	9 442	9	2 924	12 366	76,4	23,6
Приамурское генерал-губернаторство	16	5 033	8	2 313	7 346	68,5	31,5
Всего	1360	449 831	702	206 245	656 076	69,1	30,9

Примечание: Варшавский учебный округ отсутствует в связи с неполной информацией из-за оккупации большей части его территории германскими войсками.

Например, в 1916 г., согласно сведениям по восьми из двенадцати Императорских университетов, численность женщин-студентов в них составляла 1 295 человек (табл. 5). Это обстоятельство показывает, что женщинам действительно был открыт доступ в университеты без каких-либо квот для них на поступление, и они активно пользовались данным правом.

Таблица 5 / Table 5

Число Императорских университетов и численность учащихся в них (1916)

(Рыжов, 2024, с. 363, 364)

The number of Imperial Universities and the number of students in them (1916)

(Ryzhov, 2024, pp. 363, 364)

Тип учебного заведения	Число учебных заведений	Численность учащихся женского пола	Численность учащихся мужского пола
Университеты	12	1 295 (по 8 университетам)	45 987

Другой образовательной траекторией получения высшего образования для женщин было поступление в специальные высшие учебные заведения с совместным обучением. Таковых к 1916 г. насчитывалось не менее 44, где обучалось 6159 женщин (табл. 6). Подготовка в этих вузах осуществлялась по таким направлениям, как: юридическое, сельскохозяйственное, педагогическое, медицинское, техническое, технологическое, политехническое, коммерческое, археологическое, художественное, музыкальное и др. Помимо этого, осуществляли деятельность и вузы с раздельным обучением мужчин и женщин. В 1916 г. действовали 52 женских высших учебных заведения с численностью 46 641 учащихся. Стоит заметить, что число мужских высших учебных заведений практически совпадало с числом женских, поэтому утверждения ряда исследователей (Косетченкова, 2005; Михеева, 1969; Паршина, 2007) об ограничении правительством прав женщин на получение высшего образования представляются необоснованными.

Таким образом, траектории получения высшего образования, как по числу действующих учебных заведений, так и по широте осваиваемых специальностей у женщин и мужчин, в начале XX века были схожи.

Важное место при рассмотрении вопроса доступности получения образования всеми группами населения занимает территориальный аспект. Он предполагает, с одной стороны, незначительное расстояние между учебными заведениями и населенными пунктами. Этот показатель имеет особую важность при оценке распространенности начальных школ на территории страны. С другой стороны, не менее значимым являлось предоставление возможности каждому человеку, независимо от места его жительства, учиться в выбранном им учебном заведении, даже если оно располагалось в другом городе. Это позволяло крестьянским детям получать образование в престижных средних и высших учебных заведениях. Ведь очевидно, что, к примеру, императорские университеты или иные

Таблица 6 / Table 6

**Число высших специальных учебных заведений
и численность учащихся в них (1916)** (Рыжов, 2024, с. 363–381)
**The number of higher specialized educational institutions
and the number of students in them (1916)** (Ryzhov, 2024, pp. 363–381)

Тип учебного заведения	Число учебных заведений	Численность учащихся женского пола	Численность учащихся мужского пола
Высшие специальные учебные заведения с совместным обучением	44	6 159	37 217
Женские высшие учебные заведения	50	46 641	–
Мужские высшие учебные заведения	55	–	33 196
Всего	149	52 800	70 413

крупные вузы не могли находиться в каждом городе, поэтому при анализе проблемы территориальной доступности вузов в первую очередь необходимо учитывать, насколько широко в них были представлены различные регионы России.

В отличие от других аспектов доступности образования вопросу территориальной доступности в историко-педагогических исследованиях практически не уделялось внимания. Это можно объяснить, прежде всего, незначительной фактологической информацией в источниках, что создает сложности в изучении данного вопроса. Ряд исследователей, которые затрагивали проблему географии учебных заведений, рассматривали ее с точки зрения широты школьной сети. Эти позиции связаны в первую очередь с вопросом введения всеобщего начального обучения и освещают проблемы на пути расширения сети начальных школ. В подобных работах можно заметить некоторую общую тенденцию: авторы полагали, что государство якобы не предпринимало активных действий в деле развития начального образования и слабо финансировало строительство новых школ, а большую часть расходов на содержание начальных школ приходилось покрывать земствам, сельским и городским обществам. «Расходы Министерства народного просвещения были самыми нищенскими», — отмечал Э. Д. Днепров, характеризуя распределение расходов на начальную школу (Днепров, 2011, с. 372).

С целью демонстрации и анализа усилий правительства по развитию начального образования были привлечены данные об источниках содержания начальных училищ из Всеподданнейшего отчета Министра народного просвещения за 1913 год (см. табл. 7). Согласно представленным ниже сведениям, можно отметить, что 63–80 % всех расходов покрывалось государством и лишь 15–35 % составляли средства земских, общественных и сословных сборов, а также пожертвования частных лиц и обществ. Ниже приведены примеры по нескольким учебным округам, отражающим разное географическое положение в составе Российской империи.

Еще одним отражением значительных усилий правительства по обеспечению территориальной доступности образования стала реализация идей всеобщего обучения. Согласно пунктам 10 и 11 проекта «О введении в Российской империи

Таблица 7 / Table 7

Источники содержания начальных училищ в ведении МНП за 1913 год

(Всепод. отчет..., 1913, с. 200, 201)

The sources of the financing primary schools under the jurisdiction of the Ministry of Education and Science in 1913

(Loyal report, 1913, p. 200, 201)

Наименование учебного округа	Из средств Государственного казначейства и городских сумм		Из земских, общественных и сословных сборов, пожертвования частных лиц и обществ		Из платы за учение и остатков специальных средств за предыдущие годы		Из прочих источников		Итого	
	руб	%	руб	%	руб	%	руб	%	руб	%
Петроградский	6 402 940	67,1	2 873 424	30,1	66 055	0,7	205 018	2,1	9 547 439	100
Московский	17 207 988	67,3	8 120 625	31,8	40 796	0,2	201 476	0,8	25 570 889	100
Оренбургский	4 835 088	63,2	2 707 603	35,4	13 031	0,2	93 198	1,2	7 648 924	100
Кавказский	4 889 560	63,2	2 107 317	27,3	391 611	5,1	344 583	4,5	7 733 075	100
Западно-Сибирский	1 900 458	73,3	649 847	25,1	22 379	0,9	20 548	0,8	2 593 234	100
Приамурское генерал-губернаторство	945 422	80,2	178 340	15,1	6 737	0,6	48 645	4,1	1 179 146	100

всеобщего начального обучения», к 1917 г. «каждая школа должна обслуживать район с радиусом не свыше 3 верст» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 495. Л. 225). Несмотря на то что проект закона не был одобрен по политическим причинам, предложенные в нем меры по развитию начального образования правительство успешно претворяло в жизнь. Уже в 1911 г. 97,6 % школ в городах и 94,7 % школ в сельской местности находились на расстоянии не более трех верст от места жительства учащихся (табл. 8).

Таблица 8 / Table 8

Территориальная доступность для населения начальных учебных заведений Российской империи (1911)
Territorial accessibility for the population of primary educational institutions of the Russian Empire (1911)

Учебный округ	Процент учащихся, живущих на расстоянии от школы					
	Города и пригороды			Сельская местность		
	менее 1 версты	от 1 до 3 верст	более 3 верст	менее 1 версты	от 1 до 3 верст	более 3 верст
Варшавский учебный округ	71,4	26,5	2,1	60,6	35,7	3,7
Виленский учебный округ	61,6	34,2	4,2	57,8	32,4	9,8
Западно-Сибирский учебный округ	75,0	23,4	1,6	79,9	17,8	2,3
Кавказский учебный округ	73,7	24,8	1,5	66,0	30,8	3,2
Казанский учебный округ	72,4	25,4	2,2	72,0	21,5	6,5
Киевский учебный округ	63,6	33,9	2,5	67,5	29,7	2,8
Московский учебный округ	74,0	24,0	2,0	57,9	36,7	5,4
Одесский учебный округ	73,0	25,5	1,5	74,8	23,7	1,5
Оренбургский учебный округ	71,7	26,4	1,9	68,9	25,7	5,4
Петроградский учебный округ	74,0	24,0	2,0	46,6	43,1	10,3
Рижский учебный округ	56,7	37,9	5,4	21,2	45,1	33,7
Харьковский учебный округ	68,3	29,9	1,8	70,7	27,4	1,9
Туркестанское генерал-губернаторство	69,8	27,5	2,7	81,5	16,3	2,2
Иркутское генерал-губернаторство	72,1	26,4	1,5	78,2	17,9	3,9
Приамурское генерал-губернаторство	66,5	31,6	1,9	79,0	19,3	1,7
Всего	70,4	27,2	2,4	64,5	30,2	5,3

В рамках проводимого исследования не менее значим и вопрос территориальной доступности высшей школы. Однако ее характеристика и оценка должны проводиться на несколько иных основаниях, нежели это происходило в отношении начальной школы. На первый план выходит уже не близость учебного заведения к месту жительства потенциальных учащихся, а возможность поступления в любой вуз страны без каких-либо ограничений.

Яркой демонстрацией широкой территориальной доступности высшей школы может послужить обращение к статистическим сведениям о распределении

учащихся по месту рождения или по местоположению оконченного ими среднего или высшего учебного заведения. Например, в 1909 г. из 587 студентов Юрьевских частных университетских курсов лишь 56 человек являлись жителями Лифляндской губернии, в которой и находилось учебное заведение (Отчет о деятельности..., 1909, с. 75–77). Более 90 % составляли студенты, приехавшие учиться из 70 различных губерний и областей со всей страны (Центральной России, Урала, Сибири, Дальнего Востока и др.). Интересно и то, что во многих регионах, откуда приехали учащиеся, были свои вузы. Однако, как мы видим, вопрос территориальной близости при выборе высшего учебного заведения не являлся ключевым. Приведенный пример показывает, что переезд в другой город для обучения в выбранном учебном заведении не становился серьезной преградой.

Заключение

Таким образом, некоторые предварительные результаты проводимого исследования проблемы доступности образования в России в начале XX века, представленные в данной статье, позволяют сделать ряд выводов. Рассмотрение идей доступности образования в трудах исследователей продолжает сохранять идеологически односторонние оценки советского периода, выражающиеся в критике правительственных мер в образовательной сфере и подчеркивающие якобы ущемление прав на образование отдельных социальных групп и представительниц женского пола, а также малую доступность для них среднего и высшего образования в силу высокой платы за обучение и низкой мобильности населения. Это, по мнению исследователей, ограничивало возможность поступления в любые учебные заведения страны. Идеи доступности образования имеют две стороны: реализацию государством мер по обеспечению возможности получения образования и наличие потребности в образовании у представителей различных сословий и социальных групп. Комплексное исследование проблемы доступности образования требует изучения обеих этих сторон. Однако в историко-педагогических трудах, посвященных общим вопросам развития российского образования в начале XX века, вопросы его доступности рассматриваются крайне односторонне и нецелостно. А изучение второй стороны обсуждаемой проблемы практически выпало из поля зрения историков педагогики и требует дальнейшего исследования.

Список источников

1. Рыжов, А. Н. (2013). *Генезис педагогических терминов в России (XI – начало XXI вв.)*. Дис. ... д-ра пед. наук. Москва. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005095934>
2. Днепров, Э. Д. (2011). *Российское образование в XIX – начале XX века. Т. 2*. Москва: Мариос. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005443598>
3. Иванов, А. Е. (1991). *Высшая школа России в конце XIX – начале XX века*. Академия наук СССР, Институт истории СССР. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004486464>

4. Макарова, П. А. (1953). *Начальная школа в период между двумя революциями — 1905–1907 гг. и февральской революцией 1917 г.* Дисс. ... канд. пед. наук. Москва. <https://search.rsl.ru/ru/record/01010906473>
5. Савельева, В. Г. (1975). *Политика царизма в вопросах образования (1907–1911 гг.)*. Дис. ... канд. ист. наук. Ленинград. <https://search.rsl.ru/ru/record/01009718184>
6. Рыжов, А. Н. (2010). Образование детей крепостных в России во второй половине XVIII в. *Вопросы образования*, 2, 238–263. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14871261>
7. Кузьмин, Н. Н. (1958). *Вопросы реформы средней общеобразовательной школы Министерства просвещения в период нового революционного подъема и первой мировой войны (1910 – февраль 1917 г.)*. Дис. ... канд. пед. наук. Москва. <https://search.rsl.ru/ru/record/01010667037>
8. Медынский, Е. Н. (1931). *Какой была школа до Октябрьской революции*. Москва: типо-лит им. Воровского. <https://search.rsl.ru/ru/record/01009312690>
9. Мещеров, Р. Ш. (2010). *Право на образование в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв.: историко-правовой аспект*. Дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004913895>
10. Рыжов, А. Н. (2024). *Развитие образования в Российской империи в начале XX века*. Статистический сборник. Москва.
11. РГИА. Ф.733. Оп. 205. Д. 2552. *Мужские гимназии и прогимназии за 1915 г.* Л. 17.
12. РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2846. *Отчет по техническим училищам за 1914 г.* Л. 12.
13. РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2516. *Отчет по управлению Харьковским учебным округом*. Л. 43.
14. *Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год* [сведения даны на 1914 год] (1916). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/74211-za-1913-god-1916#mode/inspect/page/217/zoom/7>
15. РГИА. Ф. 398. Оп. 74. Д. 30680 б. *С отчетами низших сельскохозяйственных учебных заведений за 1916 г.* 306 л.
16. *Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1909 год* (1910). Тифлис. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003508905>
17. *Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1914 год* (1915). Ч. 2. Таблицы. Тифлис. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003508905>
18. Пискунов, А. И., Джурицкий, А. Н., Плохова, М. Г., Блинов, В. И., Рыжов, А. Н., Факторович, А. А., Есенина, Е. Ю., и Сергеев, И. С. (2024). *История педагогики и образования*. Учебник для вузов (под общ. ред. А. И. Пискунова, 4-е изд., пер. и доп.). Москва: Юрайт. 452 с. <https://urait.ru/bcode/535699>
19. РГИА. Ф. 733 Оп. 205 Д. 1633. *Отчет Императорского Николаевского университета (Саратовского) за 1916 год*. Л. 57.
20. Паршина, В. Н. (2007). *Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века: на материалах Пензенской губернии*. Дис. ... канд. ист. наук. Пенза. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003321543>
21. Косетченкова, Е. А. (2005). *Становление и развитие женского профессионального образования в России в конце XIX – начале XX века*. Дис. ... канд. ист. наук. Курск. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003298868>
22. Михеева, Э. П. (1969). *Высшее женское образование в дореволюционной России, 1872–1917 гг.* Дис. ... канд. ист. наук. Москва. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004052237>

23. Рыжов, А. Н. (2012). Современные проблемы в области педагогической терминологии и подходы к их решению. *Наука и школа*, 5, 20–24. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18924063>
24. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 495. *По проекту введения всеобщего начального обучения в России*. Л. 225.
25. *Отчет о деятельности Юрьевских частных университетских курсов за 1908/1909 учебный год* (1909). Юрьев. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003995704>

References

1. Ryzhov, A. N. (2013). *Genesis of pedagogical terms in Russia (XI – early XXI centuries)*. Doctoral Dissertation of Pedagogical Sciences. Moscow. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01005095934>
2. Dneprov, E. D. (2011). *Russian education in the XIX – early XX century*. Vol. 2. Moscow: Marios. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01005443598>
3. Ivanov, A. E. (1991). *Higher school of Russia in the late XIX – early XX century*. Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01004486464>
4. Makarova, P. A. (1953). *Elementary school in the period between two revolutions – 1905–1907 and the February Revolution of 1917*. PhD Dissertation of Pedagogical Sciences. Moscow. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01010906473>
5. Savelyeva, V. G. (1975). *Tsarism's policy in matters of education (1907–1911)*. PhD Dissertation of Historical Sciences. Leningrad. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01009718184>
6. Ryzhov, A. N. (2010). Education of children of serfs in Russia in the second half of the 18th century. *Voprosy Obrazovanie*, 2, 238–263. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14871261>
7. Kuzmin, N. N. (1958). *Questions of the reform of the secondary general education school of the Ministry of Education during the new revolutionary upsurge and the First World War (1910 – February 1917)*. PhD Dissertation of Pedagogical Sciences. Moscow (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01010667037>
8. Medynsky, E. N. (1931). *What was the school before the October Revolution*. Moscow: typo-lit im. Vorovsky. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01009312690>
9. Meshcherov, R. Sh. (2010). *The right to education in pre-revolutionary Russia in the late XIX – early XX centuries: historical and legal aspect*. PhD Dissertation of Legal Sciences. St. Petersburg. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01004913895>
10. Ryzhov, A. N. (2024). *Development of education in the Russian Empire in the early XX century*. Statistical collection. Moscow. (In Russ.).
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2552. *Men's gymnasiums and progymnasiums for 1915*, l. 17.
12. РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2846. *Report on technical schools for 1914*, l. 12.
13. РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2516. *Report on the management of the Kharkov school district*, l. 43.
14. *All-subject report of the Minister of Public Education for 1913* [information given for 1914] (1916). St. Petersburg: Tip. Imp. Acad. of Sciences. (In Russ.). <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/74211-za-1913-god-1916#mode/inspect/page/217/zoom/7>
15. РГИА. Ф. 398. Оп. 74. Д. 30680b. *With the reports of the lower agricultural educational institutions for 1916*, 306 l.

16. *Report on the state of educational institutions in the Caucasus Education District for 1909* (1910). Tiflis. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01003508905>
17. *Report on the State of Educational Institutions in the Caucasian Education District for 1914* (1915). Part 2: Tables. Tiflis. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01003508905>
18. Piskunov, A. I., Djurinsky, A. N., Plokhova, M. G., Blinov, V. I., Ryzhov, A. N., Faktorovich, A. A., Yesenina, E. Yu., & Sergeev, I. S. (2024). *History of Pedagogy and Education*. Textbook for universities (ed. by A. I. Piskunov; 4th ed., per. and ext.). Moscow: Yurait. 452 p. (In Russ.). <https://urait.ru/bcode/535699>
19. RGIA. F. 733. Op. 205. D. 1633. *Report of the Imperial Nikolaev University (Saratov) for 1916*, l. 57.
20. Parshina, V. N. (2007). *Formation of the system of women's education in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: on the materials of Penza province*. PhD Dissertation of Historical Sciences. Penza. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01003321543>
21. Kosetchenkova, E. A. (2005). *Formation and development of women's vocational education in Russia in the late 19th – early 20th century*. PhD Dissertation of Historical Sciences. Kursk. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01003298868>
22. Mikheeva, E. P. (1969). *Higher female education in pre-revolutionary Russia, 1872–1917*. PhD Dissertation of Historical Sciences. Moscow. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01004052237>
23. Ryzhov, A. N. (2012). Modern problems in the field of pedagogical terminology and approaches to their solution. *Nauka i shkola*, 5, 20–24. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18924063>
24. RGIA. F. 1276. Op. 2. D. 495. *On the project to introduce universal primary education in Russia*, l. 225.
25. *Report on the Activities of the Yuryev Private University Courses for the Academic Year 1908/1909* (1909). Yuryev. (In Russ.). <https://search.rsl.ru/ru/record/01003995704>

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023;
одобрена после рецензирования: 29.02.2024;
принята к публикации: 15.03.2024.

The article was submitted: 15.12.2023;
approved after reviewing: 29.02.2024;
accepted for publication: 15.03.2024.

Информация об авторе / Information about author:

Анна Ивановна Килячина — аспирант департамента педагогики Института педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Anna I. Kilyachina — Postgraduate scholar at the Department of Pedagogy of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University, Moscow, Russia.

kilyachina.anna@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5628-1606>